

СТРАНИЦЫ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА

ПИТИРИМ СОРОКИН

Данная работа П. Сорокина включает дневниковые записи, которые он вел в 1917—1922 г.г. — наиболее бурный период российской истории, участником и свидетелем которого он был. Эмигрировав из Советской России, автор издал дневник в 1924 г. Затем уже в 1950 г. он вернулся к нему: дополнил предисловием и новой частью, представляющей собой фактически самостоятельную работу. О ее содержании говорит уже сам заголовок: «Тридцать лет спустя. Русская революция как гигантский успех и колоссальный провал». В данном номере альманаха «Рубеж» вниманию читателей предлагается первая часть дневников «1917», дающая яркое представление о Сорокине как политическом деятеле. Текст приводится с небольшими сокращениями. Перевод с английского выполнен по книге

P. A. Sorokin. *Leaves from a Russian. Diary and Thirty Years After.* N. Y., 1970.

Продолжение будет опубликовано в следующих номерах альманаха.

Январь—февраль 1917

ПРЕЛЮДИЯ

Ведение дневника — детская привычка, но сейчас она может быть достойной даже серьезного человека. Мы входим в шторм Революции. Авторитет Царя, Царицы и всего Правительства разрушен. Поражение русского оружия, бедность и широкое недовольство народа неизбежно снова вызывают революционный протест. Речи Шульгина, Милюкова и Керенского в Думе и особенно милюковское обличение «глупости и предательства» Правительства разбудили опасное эхо по всей стране.

На вчерашнем собрании депутатов, политиков, ученых и писателей в доме Шубина-Посдифа даже наиболее консервативные люди говорили о наступающей Революции как о несомненном факте. Князья и бароны, помещики и предприниматели — все аплодировали саркастической критике Правительства и провозглашали приближение Революции. Эти люди, утомленные, изнеженные, привыкшие к комфортной жизни, требуя революции, представляли занятный спектакль. Подобно опрометчивым детям, они проявляли любопытство и радость, встречая такое «интересное» развитие. Я представил французские правящие классы перед революцией XVIII века. Их изнеженная аристократия также со смехом приветствовала шторм, не задумываясь о том, что он может лишить их собственности и даже жизни.

В моих аудиториях было то же самое. Те части моих лекций, в которых я перечислял дефекты аристократических обществ, встречались студентами горячими аплодисментами. На стенах туалетов можно было прочесть такие сентенции, как «Долой царя!», «Смерть Царице Распутной!», «Да здравствует Революция!» Эти надписи уничтожались полицией, но тут же появлялись вновь. Газеты стали весьма смелы в нападках на правительство.

— Не думаете ли вы, что гильотина также потребуется нам в ближайшем будущем? — спросил один из моих студентов в Рабочем университете Выборгского района Петрограда.

— Не знаю, — ответил я. — Но я уверен, что если вы предполагаете гильотину для своих врагов, то она отрубит и вашу голову немного позже. Гильотина всегда убивает в первую очередь сытого, но позднее на нее попадает также и бедняк. Не забывайте этого — оно может быть полезно для вас, если революция действительно произойдет.

Цены растут ужасно. Очереди за хлебом перед магазинами все длиннее и длиннее. Горькие жалобы бедных людей, ждущих часами в этих очередях, так называемых «хвостах», становятся все более и более бунтарскими. Сегодня я встретил трех солдат, моих приятелей, только что вернувшихся с фронта. Один из них говорил с такой ненавистью к Правительству, выражение другими негодования и недовольства в армии носили столь крайний характер, что я был шокирован. Армия в этом случае может ускорить Революцию. Я бы предпочел, чтобы этого не было... Но возможно, я ошибаюсь.

Уличные демонстрации бедных женщин и детей, требующих «хлеба и селедки» (вечный голос всех революций), ранее привели к разгрому одного или двух магазинов, а сегодня демонстрация стала шире и шумнее. Большевики сегодня останавливали трамваи, переворачивая некоторые из них, грабя магазины и нападая на полицейских. К женщинам присоединились рабочие, в результате возникла всеобщая стачка и волнение. Кроме ломки трамваев, может быть опрокинуто что-нибудь более важное — царский трон, например. Все идет к этому.

Когда историки будут искать группу, которая начала Русскую Революцию, им не нужно будет особо теоретизировать по этому поводу. Русская революция была начата голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки. Лишь позднее они действительно вместе с рабочими и политиками постарались сломать это мощное здание Русского Самодержавия.

...Толпы на Невском проспекте все больше. Полиция ленива и нерешительна. Слышно, что даже казаки отказались разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его машина сломана. Бунтовщики начали убивать полицейских.

Павловский полк восстал... Конец очень близок... или это только начало?

ГЛАВА I

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

...С утра чувствовал себя не очень хорошо, а занятия в университете были фактически прекращены, и я решил остаться дома и читать новую работу В, Парето.

Время от времени меня прерывал телефон, друзья спрашивали меня Д новостях и в свою очередь сообщали мне свои...

В полдень телефонная связь была прервана, мне никто не мешал и я возобновил свои занятия до трех часов, когда один из моих студентов ворвался с известиями, что два полка, вооруженные и с красными флагами, покинули свои казармы и идут к Думе, чтобы соединиться с рабочими.

• - Это правда? — воскликнул я с недоверием.

— Я видел их сам.

Спешно покинув дом, мы быстро направились к Троицкому мосту...

...Продвигаясь осторожно вдоль Литейного, мы вышли к свежим пятнам крови и увидели на мостовой два трупа. С ужасом мы наблюдали, как человек, пытавшийся пересечь улицу, упал, смертельно раненный шальной пулей. Умело маневрируя, мы наконец достигли Таврического дворца, обнаружив вокруг здания большие толпы людей, солдат и рабочих. Никаких попыток войти в Русский парламент не делалось, но везде были видны пушки и пулеметы.

— Революционеры приготовились защищать свою Думу, — сказал с одобрением мой приятель Кузьмин.

— Наоборот, — ответил я. — Сумасшедшая толпа вынуждает Думу втягиваться в революцию, которую Дума не хочет. Скоро вы узнаете реальную цель этой демонстрации.

Холл Думы представлял разительный контраст царящему вне ее волнению. Здесь был комфорт, солидность, порядок. Лишь там и здесь в углах можно было видеть небольшие группы депутатов, обсуждавших ситуацию. В дверях я встретил социал-демократа Скобелева.

— Ура! Она пришла наконец, — приветствовал он нас с вытянутой рукой.

— У солдат есть продовольствие? — спросил я.

— Весьма немного. Ты можешь чем-нибудь помочь?

— Я постараюсь что-нибудь сделать, — заверил я его.

По словам депутата Ржевского, Дума сейчас распущена, но назначен исполнительный комитет как временное Правительство.

— Означает ли это, что вы присоединились к Революции, — спросил я.

— Нет... Однако, я, возможно, да, — ответил он нервно.

То же замешательство и неопределенность я наблюдал в разговорах других депутатов. Капитаны, которые вели Корабль Государства в зубы урагана, не были уверены в своем курсе. «Плохой симптом», — подумал я про себя, — хотя, может быть, я в отношении их несправедлив».

...Я вышел во двор Думы и объяснил группе солдат, что постараюсь достать для них продовольствие. Они нашли автомобиль с развевавшимся красным флагом, и мы поехали через толпу.

— Этого достаточно, чтобы повесить нас всех в случае подавления Революции, — сказал я шутливо моим охранникам.

- Не беспокойся. Все будет хорошо, — ответили они.

Около Думы жил адвокат Грюзенберг. Его телефон работал, и я связался с друзьями, которые пообещали, что продовольствие для войск скоро будет подвезено.

Холл и коридоры Думы были заполнены народом. Здесь были солдаты с винтовками и пулеметами. Но все еще господствовал порядок. Улица еще не ворвалась сюда.

— А, товарищ Сорокин, наконец-то Революция! Наконец-то славный день наступил! — крикнул один из рабочих, мой студент; другие бывшие с ним радостно приблизились ко мне. На их лицах был свет надежды и экзальтации.

— Что вы здесь делаете, ребята? — спросил я.

— Нам сказали прийти сюда помочь организовать Совет рабочих депутатов, как в Революцию 1905 года, — ответили они хором.

— А для чего необходим Совет?

— Защищать Революцию и проблемы рабочих, контролировать Правительство и провозглашать нашу диктатуру, — ответили они — Вы присоединитесь к нам, не так ли?

— Я не избран, спасибо, — сухо ответил я.

— Мы также не избраны, но это не имеет значения. В такое время нет необходимости в формальностях.

— Я не согласен с вами, — сказал я и добавил, — Возможно, что для защиты Революции рабочий комитет будет необходимо сформировать, но с диктатурой будьте осторожны.

Войдя в комнату Комитета, я обнаружил несколько социал-демократических депутатов и около дюжины рабочих — ядро будущего Совета. От них я получил настоятельное приглашение стать членом, но я тогда не чувствовал необходимости вступать в Совет и ушел от них на собрание писателей, которые организовывали официальный пресс-комитет Революции...

«Кто избрал этих людей как представителей прессы?» — вновь спросил я себя. Вот они, самоназначенные цензоры, самонадеянная власть подавлять то, что с их точки зрения кажется нежелательными газетами, готовящаяся удушить свободу слова и печати. Неожиданно мне вспомнились слова Флобера: «В каждом революционере таится жандарм» Но я сказал себе, что несправедливо обобщать, исходя из действия нескольких горячих голов...

В два часа я добрался до дома и сел писать эти поспешные заметки. Рад я или сожалею? Трудно сказать, но определенно в моем сознании есть постоянные опасения. Сегодня ночью лишь часть города в руках революционеров, а что случится завтра? Как долго будет продолжаться этот беспорядок? Как много жизней погибнет? Ослабят или разрушат армию эти события? Возможно ли, что их результатом будет нашествие немцев в Россию? Но возможно, что мои предчувствия глупы. Так много веселых и патриотических людей не могут быть, но правы. Кто сказал «Индивиды могут ошибаться, но целая нация — никогда»? Очень хорошо, да здравствует Революция! Самодержавие должно было быть когда-нибудь ликвидировано. Поэтому долой сомнения и опасения.

Я посмотрел на мои книги и рукописи. Я полагаю, их придется отложить на время в сторону. Для занятий нет времени. Дело есть дело. До свидания, любимые друзья. Стрельба началась снова...

ГЛАВА 2

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ...

Утром с двумя приятелями я отправился пешком в Думу. Улицы были полны возбужденного народа, все магазины были закрыты, деловая активность приостановлена, с нескольких сторон слышались звуки стрельбы. Автомобили, полные солдат и молодежи с винтовками, носились по городу: они искали полицию и контрреволюционеров, якобы скрывавшихся в частных домах и готовых к подавлению восстания. Время от времени народ и солдаты окружали дома и стреляли в окна...

Я не видел спрятавшихся полицейских, захваченных ими, но видел многих жителей этих несчастных домов, некоторых из них — раненых...

На углу Бармалеевой и Большого мы подошли к группе людей, избивающих полицейского рукоятками револьверов и ногами. Почти мертвая несчастная жертва лежала окровавленная на мостовой, удары градом сыпались на голову и тело.

— Прекратите это, вы, звери — закричал мой приятель. — Арестуйте его, если надо, но не убивайте!

— Кто вы такие, чтобы мешать нам убить фараона? — закричали они. — Вы тоже контрреволюционеры?

С помощью прохожих мы заставили хулиганов отпустить свою жертву...

Повсюду был запах горящих домов и зрелище солдат и рабочих, разыскивающих полицейских и контрреволюционеров. Перед домом на Невендалекоот Зимнего собралась более чем обычно бурлящая толпа.

— Что здесь происходит?

— Ищут дом реакционного генерала! — крикнули нам.

В этот момент распахнулось окно на 4 этаже и на мостовую полетел человек, выброшенный оттуда солдатами. Его пронзительный крик почти утонул в возбужденном реве толпы. Когда тело ударилось о камни, люди бросились на него и принялись избивать чем попало...

Чем ближе мы подходили к Думе, тем плотнее становилась толпа, тем многочисленнее были красные флаги и транспаранты, приветствовавшие революцию. Неожиданно мою руку отчаянно схватили.

— Сорокин! Я знаю, вы великодушны. Спасите меня, ради бога!

В этом человеке я узнал агента секретной службы, который 2 года назад разоблачил и арестовал меня.

— Быстро идите домой, — сказал я, — уничтожьте свой мундир и затем, если можете, смените квартиру. Если что-нибудь случится, дайте мне знать.

Это все, что я мог сделать для него...

Совет вырос до 4 или 5 сотен членов. Комитет Думы и Совет организовали Временное правительство. Керенский действует как посредник и связной между двумя органами: он является вице-президентом Совета и министром юстиции. Я встретил его: он был изможден.

— Пожалуйста, напишите и пошлите телеграмму управляющим тюрьмами по всей России с распоряжением освободить всех политзаключенных.

— Если вы считаете нужным — согласился я.

Написанную телеграмму он подписал так: «Министр юстиции граждан Керенский». Это «гражданин» было новым, немного театральным, но, возможно подходящим словом...

Среди других я слышал в Думе речь Милюкова, предлагавшего конституционную монархию с Вел. князем Михаилом в качестве царя. Толпа выслушала это предложение холодно. Монархия пала, сознание людей стало в основе республиканским. Даже простая буржуазная республика является для многих недостаточно радикальной. Требуют социализма. Я боюсь этих экстремистов. Я боюсь разума толпы.

...Ужасные новости! Расправы над офицерами увеличиваются. В Кронштадте убиты адмирал и многие офицеры флота. Говорят, что эти убийства совершаются согласно списку, подготовленному немцами. Не знаю, правда ли это, но факт убийства многих наших русских офицеров не подлежит сомнению. Что будет, если этот ужас продлится? Это может привести к полной деморализации наших сил и вторжению в страну немцев.

То, что я наблюдаю сейчас в солдатах Петрограда: их манеры, выражения лиц, — не нравится мне. Что-то отчетливо угрожающее отражается в их поведении... Старый режим несомненно исчез. Как в Петрограде, так и в Москве, население радостное как на пасху. Все приветствуют новый режим и республику. «Свобода! Священная свобода!», — кричат и поют везде. «Удивительная революция! Революция без крови, чистая как одеяние безгрешных ангелов». Я слышал это от толп студентов, шагавших по улицам.

Это совершенно верно, конечно. Кровопролитие не было ужасным. Если не будет новых жертв из-за фанатиков, наша Революция может войти в историю как Бескровная революция.

Да здравствует бескровная революция!

ГЛАВА 3

«ПОСКОЛЬКУ СВОБОДА — ВСЕ РАЗРЕШЕНО»

Март—апрель 1917 г.

Старый режим пал по всей России, и мало кто жалеет о нем. Ликует вся страна... Большинство народа надеется, что теперь война будет вестись более успешно. Солдаты, служащие, студенты, крестьяне проявляют огромную активность. Крестьяне привозят зерно в город и армию, иногда даже бесплатно. Военные полки и рабочие отряды вывешивают транспаранты «Да здравствует революция», «Крестьян — к плугу, рабочие — к станкам, солдат — в траншеи». «Мы — свободный народ России, будем защищать страну и революцию».

— Посмотри, какой потрясающий народ! — восклицает мой друг, указывая на одну из этих демонстраций.

— Возможно, ты прав — ответил я...

Но стараясь убедить себя, что все происходящее прекрасно, я не могу закрывать глаза на некоторые реальности. Хотя рабочие поднимают лозунг «Рабочие к станкам и прессам», они прекратили работать и проводят все свое время на политических митингах. Они требуют восьми- и даже шестичасовой рабочий день. Как можем мы позволить такое сокращение рабочего времени, когда война и революция требуют увеличения усилий на производстве. Солдаты, видимо, готовы сражаться, но вчера, когда

один из полков получил приказ отравляться на фронт, люди отказались идти под предлогом, что они нужны в Петрограде защищать революцию.

В эти дни мы получили информацию, что крестьяне захватывают частные имения, грабят и сжигают их. Па улицах я наблюдал множество пьяных, орущих непристойности вместе с криком «Да здравствует Свобода!», «Поскольку мы свободны, вес разрешено».

Проходя около здания женских Бестужевских курсов, я видел толпу людей, смеявшихся и бешено жестикулировавших. В тени ворот у всех на виду мужчина и женщина вели себя самым непристойным образом.

- Ха-ха! - смеялась толпа. - Раз свобода — все можно.

Сегодня на Басеянной улице группа негодяев начала грабить винный магазин Черепатникова.

— Мы, теперь свободны, и поэтому не мешайте нам! — протестовали грабители против граждан, стремившихся приструнить их.

Подобные инциденты многочисленны и весьма опасны. Но - терпение! Возможно, мои предчувствия преждевременны...

Сегодня было очередное собрание лидеров эсеров с целью создания газеты и назначения редакторов. Дискуссия была горячая и явно обнаружилась существование в партии двух различных элементов: социал-патриотов и интернационалистов. Первые — более умеренные. Они готовы поддерживать Временное правительство и против того, чтобы страна ринулась к социализму. Хотя они согласны с политикой «Нет — аннекциям и контрибуциям!», они в то же время являются сторонниками оборонительной войны с целью защиты России и революции.

Крайние элементы с другой стороны хотят подменить оборонительную войну классовой борьбой. Они требуют немедленного окончания войны в форме сепаратного мира с Германией. Они призывают к немедленной социализации земли и фабрик, к диктатуре рабочих и крестьян и замене нынешнего буржуазного правительства социалистическим государством. После длинных и утомительных дебатов было избрано 5 редакторов газеты, названной «Дело народа»: Русанов, Иванов-Разумник. Мстиславский, Гуковский и я. Я не вижу, как мы сможем согласовать политику газеты. Гуковский и я - умеренные социал-патриоты. Остальные — интернационалисты.

Выступая на рабочих митингах, я все чаще и чаще слышу требования прекратить войну, разоблачения «капиталистов» и даже угрозы в их адрес. В головах рабочих крепко засела мысль, что все их несчастья сознательно вызваны буржуазией, что Правительство должно быть чисто социалистическим, что общая бойня всех «эксплуататоров» должна иметь место. Эти идеи быстро распространяются в народе. Все попытки инженеров и управляющих поддержать дисциплину на заводах и фабриках, сохранить масштабы производства или уволить лодырей рассматриваются как контрреволюционные.

Среди солдат ситуация не лучше. Повиновение и дисциплина исчезли почти полностью... Волнения начинаются даже среди мужиков, и возможно, скоро они присоединятся к Советам. Боже мой! Эти авантюристы, самоизбранные депутаты солдат и рабочих, эти бедные интеллектуалы, играющие роль в драме революции, подражают французским революционерам. Разговоры, разговоры, разговоры бесконечны; вся их энергия уходит на подрыв Временного правительства и подготовку «диктатуры пролетариата», который боится своих собственных Советов.

Совет вмешивается во все. Любые конструктивные идеи, любые действия ведут только к дезорганизации управления, к разрыванию диких звериных инстинктов толпы.

Правительство? Может быть, лучше ничего не говорить об этих людях. Благородные идеалисты, они не знают азбуки управления. Кажется, они и сами не знают, чего хотят, и даже если бы они знали, они не смогли бы ничего завершить. Возможно, это странно, но я иногда тоскую по мощной силе, которая появилась бы и надела бы тугую узлу на все эти неистовые и неопределенные группы. Я думаю, это было бы лучше, чем общее волнение и разделение, угрожающие не знаю какими несчастьями для моей страны.

ГЛАВА 4

«СВЕТ И ТЕНИ»

...Параллельно с подготовкой нашей новой газеты мы организуем членов правого крыла — группу, называемую «Воля народа». Фанатизм трудящихся классов и интеллектуальных пролетариев города возрастает с каждым днем. Эти меньшинства полны решимости править Россией, не советуясь с крестьянами, которые, как известно, составляют большинство. Без участия крестьян невозможно решать будущую судьбу России. Я убежден в необходимости созыва всероссийской крестьянской конференции или Советов, в противовес Советам ленивых рабочих и солдат города...

Прибыли Ленин и его компаньоны. Их первые речи на Большевицкой конференции смутили даже членов крайне левого крыла. Ленин и его группа сейчас являются очень богатыми людьми, и, как следствие, число большевицких газет, памфлетов, прокламаций и т. д. сильно увеличилось. У Троцкого очень дорогая квартира. Откуда эти деньги? Вот в чем вопрос.

Социализация началась. Большевики насильно завладели особняком танцовщицы Кшесинской. анархисты захватили особняк Дурново и другие дома. Владельцы их изгнаны. Они обращались и в суд, и в правительство, но для восстановления их прав не было сделано ничего...

ГЛАВА 5

АГОНИЯ

Май—июнь 1917 г.

Крестьянская конференция открылась с присутствием около 1 тыс. представителей крестьян и лояльных солдат с фронта. Насколько можно судить, состояние умов крестьян несомненно более здоровое и сбалансированное, чем у рабочих или городских солдат.

Патриотизм, реальное стремление подавить беспорядки и даже желание воздержаться от взятия земли до тех пор, пока по этому вопросу будет достигнуто определенное решение; совершенная готовность поддерживать правительство и противостоять большевикам. Все эти чувства были искренне выражены на конференции.

Интересным эпизодом стало появление на ней Ленина. Поднявшись на сцену, он театрально сбросил пальто и начал говорить. Лицо этого человека напоминает мне лица врожденных преступников в альбомах Ламброзо, и в тоже время он имеет нечто напоминающее религиозных фанатиков-староверов. Он — скучный оратор, и его усилия вызвать энтузиазм в пользу большевизма абсолютно провалились. Речь его была принята холодно, личность его возбудила враждебность, и в конце он ретировался в очевидном смущении. Большевицкая «Правда» и другие интернационалистские газеты возобновили свои нападки на крестьянскую конференцию, называя ее «цитаделью социал-патриотов и мелкой буржуазии». Хорошо, пусть нападают.

Крестьянская конференция организовала специальный крестьянский Совет, избирающий депутатов, исполнительный комитет и представителей своей организации в различных институтах. Я был избран членом исполкома и делегатом в «Комиссию по выработке закона по выборам членов Учредительного собрания».

На моем пути особняк Кшесинской, который был захвачен большевиками и использовался ими как штаб-квартира. День за днем они организовывали речи с балкона дворца для толп рабочих и солдат... Я остановился перед дворцом Кшесинской послушать Ленина.

Хоть он и слабый оратор и отталкивающая личность, мне кажется, он далеко пойдет. Почему? Он полон решимости дать волю всему насилиственному, преступному, непристойному, что в сегодняшних деморализующих обстоятельствах пока еще сдерживается в толпе.

— Товарищи рабочие! — так вел речь Ленин. — Забирайте фабрики у своих эксплуататоров. Товарищи крестьяне! Берите землю у своих врагов-помещиков! Товарищи солдаты! Прекращайте войну, идите домой. Заклучайте мир с немцами и объявляйте войну богатым. Бедняки! Вы голодаете, когда вокруг вас плутократы и банкиры. Почему вы не захватите всего этого богатства? Крадите все, что было украдено! Безжалостно разрушайте капиталистическое общество! Долой его! Долой правительство! Долой войну! Да здравствует социальная революция! Да здравствует классовая война! Да здравствует диктатура пролетариата!

Громкая речь всегда вызывает живой отклик. Именно сейчас это Евангелие для преступников, лентяев, грабителей, паразитов и всех неуравновешенных голов. Действительно, Ленин хорошо знает, что кратчайший путь к его цели лежит в пробуждении самых низменных чувств, самых низких звериных инстинктов недумавшей массы. За Лениным следует Зиновьев. Какое это отвратительное создание! В его женском голосе, его лице, его фигуре — что-то отталкивающее и непристойное. Экстраординарный моральный и интеллектуальный дегенерат! Ленин нашел в нем примерного ученика.

Послушав Ленина в течение почти часа, я перешел через Троицкий мост к моей редакции. День был прекрасный: ярко светило солнце и Нева отражала безоблачное небо. Но душа моя была полна темных предчувствий.

Эти люди, я уверен, предвещают ужасные вещи. Если бы я был Правительством, я бы арестовал их без колебаний. Если необходимо — я бы казнил их, чтобы предотвратить ужасную катастрофу, в которую они планируют окунуть страну. Армия быстро деморализуется. Дисциплина и повиновение почти исчезли... Бедный Керенский делает все, что может. Он произносит одну яркую речь за другой, но дикие звери не могут контролироваться речами, даже красноречивыми.

Городам угрожает голод, так как работа практически прекращена. Большевики с их неограниченными деньгами проявляют яростную энергичность. Я должен сказать, что их "Правда" как пропагандистская газета очень хорошо редактируется, особо блестящи саркастические статьи Троцкого, в которых он бичует и высмеивает своих оппонентов, меня в том числе. Великолепная сатира!..

Как Керенский, Дан, Гоц, Либер, так и другие лидеры в Совете начинают понимать, что мы несемся к пропасти. Будучи ранее сами подстрекателями анархии, они теперь поворачивают к умеренности. Фатальная слабость всех этих людей — в том, что они боятся воображаемой контрреволюции еще больше, чем большевизма. Они боятся потерять свою репутацию революционеров, являющихся сегодня аристократией. Поэтому они остаются и безнадёжными, и беспомощными...

26 мая 1917 года — день моего бракосочетания. Это была настоящая революционная свадьба. После церковной церемонии, на которую я пришел с важного собрания, у нас было только полчаса на обед; затем я должен был спешить на другую проклятую конференцию. Только в войну и революцию могут случаться такие вещи. Вечером я послал революцию к черту и вернулся домой к моей возлюбленной. Приближается ураган. Но несмотря ни на что, я благославляю этот день как счастливейший во всей моей жизни...

...Случилось нечто существенное. На сегодняшнем митинге, на котором выступали «бабушка» Брешковская, Савинков, Плеханов, Чайковский и я, слушатели — солдаты и рабочие — неожиданно разразились свистом и угрозами в адрес этих старейших друзей революции. Против мучеников Брешковской и Чайковского употреблялись такие определения как «предатели!», «контрреволюционеры!». Савинков кричал: «Кто вы такие, чтобы обращаться с нами таким образом? Что вы, бездельники, сделали для революции? Совсем ничего! Чем вы когда-нибудь рисковали? Ничем! А эти мужчины и женщины — указал он на нас — сидели в тюрьмах, голодали и мерзли в Сибири, снова и снова рисковали своими жизнями. Это я, а не кто-либо из вас бросил бомбу в тирана-министра. Это я, а не вы слушал смертный приговор царского правительства. Как смеете вы обвинять нас в том, что мы — контрреволюционеры?! Кто вы, если не толпа глупцов и бездельников, сговаривающихся развалить Россию, погубить революцию и самих себя?»

Этот взрыв вызвал трепет и произвел на толпу большое впечатление. Но ясно, что все великие революционеры столкнулись лицом к лицу с трагедией. Работа и жертвы забыты. В сравнении с мартовскими революционерами они сейчас рассматриваются как реакционные и «вчерашние».

— Вы когда-нибудь думали о себе как о реакционном контрреволюционере? — спросил я ветерана Плеханова.

— Если эти маньяки — революционеры, тогда я горд называться реакционером — ответил основатель социал-демократической партии.

— Будьте осторожны, г-н Плеханов, — сказал я. — Как бы вас не арестовали, как только эти люди — ваши собственные ученики — станут диктаторами.

— С тех пор, как они стали большими реакционерами, чем даже само царское правительство, что я могу ожидать, кроме ареста? — сказал он с горечью.

Я люблю Плеханова. Мне кажется, что он схватывает истинное положение лучше, чем это делают его ученики в Совете, который даже не примет его как члена. Старые революционеры и основатели русского социализма сейчас считаются умеренными и на языке большевиков —

контрреволюционерами». Я вижу, что мои «консерватизм» идентичен тому, что во всех революциях и социальных переворотах обычно толпой называлось «контрреволюцией». Все мы начинаем видеть, что революция и радикализм на практике совершенно отличны от тех же идей в теории...

Явно начинается дезинтеграция. Россия, Финляндия, Украина и Кавказ провозгласили свою независимость. Кронштадт, Шлиссельбург и мною небольших районов в разных частях России проголосовали за свою независимость. Даже анархисты, забаррикадовавшиеся в особняке Дурново, и большевики во дворце Кшесинской имеют наглость называть себя независимыми государствами. Моя бедная страна разваливается на куски. Вчера ко мне пришли несколько представителей зырян (народа на Севере России) с предложением, чтобы наша газета объявила о независимости Зырянской республики. Мне было предложено президентство в этом новом государстве. Сумасшествие овладевает умами...

Жизнь в Петрограде становится все более и более трудной. Беспорядки, убийства, голод — повседневное явление. Мы ждем следующего взрыва, зная, что он будет обязательно. Вчера я спорил на митинге с Троицким и мадам Коллонтай. Что касается этой женщины, то очевидно, что ее революционный энтузиазм — ничто иное как удовлетворение ее сексуального сатириза. Несмотря на ее многочисленных «мужей», Коллонтай — вначале жена генерала, затем любовница дюжины мужчин — все еще не пресыщена. Она ищет новые формы сексуального садизма. Я хотел бы, чтоб она могла быть наблюдаема Фрейдом и другими психиатрами. Это был бы для них редкий объект.

Что касается Троцкого, при благоприятных обстоятельствах, он непременно поднимется вверх. Этот театральный бандит — настоящий авантюрист. Его друзья в социал-демократической партии (меньшевиков) обычно говорят о нем: «Троицкий приносит на каждый митинг свой собственный стул. Сегодня он сидит с одной партией, завтра — с другой». В настоящий момент он поставил свой стул в Коммунистической партии. Что ж, для авантюриста, стремящегося к карьере, это не противопоказано. Большевики, вероятно, дадут ему все, о чем он тоскует.

ГЛАВА 6

ВЗРЫВ

Июль—сентябрь 1917 г.

3—5 июля. Взрыв наступил. Мы видели мятежный полк, пересекавший Литейный мост, слышали близкий треск винтовочных выстрелов. Революция снова была голодна и требовала человеческих жертв...

Улицы, окружающие Таврический дворец и его большой двор, полны солдат и матросов. На автомобиле стоял Троцкий, разглагольствовавший перед людьми из Кронштадта.

— Вы, товарищи, гордость и слава русской революции! Вы ее лучшие сторонники и защитники. Перед вами новая задача — вымести Революцию, освободив ее от врагов; свергнуть капиталистическое Правительство; толкнуть Революцию к ее крайним пределам, создать царство Коммунизма, диктатуру пролетариата и начать мировую революцию. Великая драма началась. Победа и вечная слава зовут нас. Пусть наши враги трепещут,

нет для них жалости и пощады. Соберем всю свою ненависть, уничтожим их раз и навсегда!

Дикий животный рев был ответом на его речь. С большими трудностями мы пробились к Таврическому дворцу и в зале Думы встретили много представителей Совета рабочих депутатов и социал-демократической партии. Атмосфера была крайне возбужденная...

В то время, как Чернов, Чхеидзе, Дан, Церетели и Готц стояли бледные и испуганные, рев извне становился все сильнее и под него Троицкий, Луначарский и другие большевики ворвались в зал с победными улыбками на губах. «Кто победил в этот раз?» — казалось, вопрошают их возбужденные лица. Так под оружейную пальбу и крики с улицы совместное заседание Советов солдатских рабочих и крестьянских депутатов было открыто Чхеидзе.

...Группы большевиков, интернационалистов и левых эсеров, возглавляемые Троцким, Луначарским, Гиммером и Камковым, выдвинулись вперед...

— Посмотрите на море рабочих и солдат, окружающих это здание. Их именем мы требуем, чтобы Советы объявили Временное правительство распущенным. Мы требуем, чтобы вся власть была взята Советами. Мы требуем, чтобы войне был, наконец, положен конец. Мы требуем диктатуры пролетариата. Мы требуем, чтобы капиталистическая система была ликвидирована, а государство диктатуры пролетариата установлено вместо нее. Если вы не сделаете это добровольно, мы вас заставим. Время колебаний прошло. Вы должны подчиниться командам революционного пролетариата.

Таков был смысл их речей. Большевики чувствовали себя победителями и больше не обращались к Совету. Они издавали приказы, стараясь контролировать свое возмущение и злость. Совет слушал их спокойно.

— Так каково же ваше требование? — спросил председатель. — Диктатура Совета или ваша собственная диктатура над Советом? Если первое, тогда прекратите угрозы, сядьте, ждите решения Совета и подчиняйтесь ему. Если, наоборот, вы стремитесь диктовать Совету, тогда почему вы здесь? Неужели вы считаете нас такими трусливыми, чтобы запугать угрозами, или такими беспринципными, чтобы уступить наш суверенитет Советам. Никто в этом зале не имеет сомнений относительно того, что вы имеет в виду. Не «Вся власть Советам», а вся власть вам — вот ваша цель. Для этого вы возбудили невежественные и введенные в заблуждение массы. Ради этого вы разжигаете гражданскую войну. Хорошо, мы принимаем ваш вызов. С презрением мы отвергаем ваши требования, входите и делайте свое черное дело.

Таков был наш ответ большевиков. Через несколько минут колебаний, они разразились угрозами и резолюция Дана была единодушно одобрена.

Между тем толпа на улице переросла в густую толчею. Большевицкие ораторы призывали ее взломать двери дворца и разогнать Совет. Моя голова разламывалась от возбуждения и душной атмосферы комнаты. Я вышел во двор Думы. В серых сумерках июльской ночи я увидел настоящее море солдат, рабочих, матросов. Все это походило на сумасшедший дом — толпа, требующая «Вся Власть Советам», в то же время направляла свои стволы на Советы, угрожая им смертью и уничтожением.

Как только я был узан, толпа меня окружила. Горячие вопросы и яростные угрозы обрушились на мою голову. Я старался объяснить толпе, что Советы не могут обладать всей властью, что большевицкие

требования - нереальны ... Но я говорил не толпе, а Чудовищу. Глухое ко всем аргументам, обезумевшее от ненависти и бессмысленной ярости, чудовище громко выкрикивало idiotские лозунги большевиков. Никогда не забыть мне лиц обезумевшей толпы, потерявших все человеческие черты и ставших звериными. Толпа вопила и орала, яростно трясла кулаками

— Депутаты Советов продались капиталистам!

- Предатель! Иуда!

- Враг народа!

— Смерть ему!

Я перекричал этот рев.

— Даст ли моя смерть вам землю, наполнит ли она ваши пустые желудки?

Как ни странно, но ряд скотов отреагировали на мои слова хохотом. Так легко толпа колеблется то в одну, то в другую сторону...

В 5 часов Совет собрался снова. На заседании присутствовали большевики и их сторонники. Они знали, что пришел момент, когда они должны либо победить, либо быть побежденными, и чтобы победить, они были полны решимости в полной мере применить силу. Как раз в то время, как один из них разразился речью, полной кровавых угроз, двери открылись три офицера в белых от пыли мундирах вошли в зал и быстро подошли к Чхеидзе. Отдав ему честь, они повернулись и офицер обратился к группе большевиков:

-Пока русская армия собирает все свои силы, чтобы защитить страну от врага, вы, солдаты и матросы, никогда не нюхавшие пороха, вы, бездельники и предатели, проводящие время в злобной болтовне, вы, авантюристы и ренегаты, что вы здесь делаете? Вместо того, чтобы, как подобает мужчинам, бороться против вторгшегося врага, вы убиваете мирных граждан, организуете мятежи, способствуете врагу и встречаете нас, солдат великой русской армии, пулеметами и пушками. Какая подлость! Но все ваше вероломство тщетно. Я, командир полка велосипедистов, сообщаю вам, что мои войска вошли в Петроград. Ваши бунтовщики разогнаны, ваши пулеметы в моих руках... И я заявляю вам, что при первой же попытке бунта вы будете расстреляны как собаки.

Еще раз козырнув, он сказал:

Я имею честь заявить Совету, что мы находимся в полном распоряжении Правительства и Совета и ждем их приказа.

Взрыв бомбы вряд ли мог произвести такой эффект... Большевики определенно потерпели поражение, силы порядка еще раз победили. За разгоном толп последовали аресты и разоружение мятежных солдат. Около 2 часов утра я добрался до постели и упав на нее, мгновенно заснул...

5—6 июня 1917 г.

Сегодня Троцкий, Коллонтан и другие были арестованы. Ленин и Зиновьев скрылись. Теперь стоит вопрос: что делать? Мы, умеренные, не кровожадны, однако чтобы предотвратить повторение кровавых мятежей, необходимо проявить большую твердость. Если нужно — казнить несколько тысяч головорезов. Чтобы спасти миллионы русских, мы должны быть готовы сделать это.

Совет склонен к терпимости. Но разве не был прав Наполеон, сказавший: «Когда говорят, что король хороший, имеют в виду, что он плохой правитель»? Я думаю, что терпимость в этих условиях — ничто иное, как слабость.

Мятеж подавлен, но ничего не сделано, чтобы пресечь ораторов и наказывать мятежников...

Мне были предложены Временным Правительством три поста: помощника министра внутренних дел, директора Русской Телеграфной службы и секретаря премьер-министра Керенского. После размышлений я решил принять секретарство, хотя в нынешних обстоятельствах я сомневаюсь в том, смогу ли быть полезен стране. Как помощник Керенского, я сделаю все, что в моих силах...

Разработка закона относительно выборов в Учредительное Собрание почти завершена. Он крайне демократичен, представляя полное пропорциональное представительство. Только кажется мне, что он также подходит для бедной России, как вечернее платье для лошади...

ГЛАВА 7

НОВЫЕ КРИЗИСЫ

...Керенский почти не ведет конструктивной работы, будучи занят составлением резолюций, которые не улучшают положения дел. Колеса государства крутятся в вакууме. Иногда я чувствую симпатию, иногда ярость по отношению к Керенскому. Как человек он честен, искренен и готов отдать свою жизнь во благо страны. Но он не компетентен, слабоиолен... Он ничего не знает об искусстве управления и воображает, что делает великое дело, когда составляет бумажные планы отмены смертной казни в условиях войны и революции. Сила, насилие отвратительны ему и он верит, что вполне можно управлять с помощью добрых слов и возвышенных чувств. Прежде всего он, кажется, упивается сознанием своей чистоты, гуманности и высокого идеализма. Хороший человек, но слабый лидер. Типичный русский интеллигент.

Я пришел к выводу, что я буду наиболее полезен, отдавая большую часть времени газете и Совету, резервируя работе в Зимнем дворце 1—2 часа в день...

Я отправился в Вологду организовывать кампанию по выборам в Учредительное Собрание. Крестьянские собрания в трех районах Вологодской губернии единодушно назвали меня как кандидата; партия эсеров в Вологде сделала то же самое...

В этом городе состояние умов значительно лучше. Хотя большевизм имел здесь определенное влияние, но большинство населения, особенно крестьянство, нацелено антибольшевистски. Я выступил с рядом речей, посетил местные крестьянские конференции и, сделав все необходимые указания, отправился домой...

Наконец, это случилось — катастрофа, титанический катаклизм. 26 августа Корнилов двинул армию на Петроград с намерением свергнуть Совет, Правительство и провозгласить себя диктатором. Такова была, по крайней мере, версия Керенского. С моей точки зрения, Корнилов менее виновен.

— Здесь, должно быть, недоразумение! — сказал я Керенскому. — Разве не вы приказали послать войска в Петроград, чтобы предотвратить угрожающее восстание большевиков? Конечно, Корнилов просто подчиняется воинскому приказу.

— Нет. Корнилов послал мне ультиматум через Львова.

— Не может быть, — настаивал я. — Львов введен в заблуждение, он не понял.

— Здесь нет недопонимания, — сказал Керенский. — Я стараюсь добиться мирного решения, но в то же время объявил генерала Корнилова преступником и отдал приказы по мобилизации всех сил против него, призвал всю демократию пресечь эту преступную попытку задуть свободу и Революцию.

— Я умоляю Вас не действовать слишком поспешно, — сказал я.

Но единственным ответом Керенского был безапелляционный приказ сообщить Советам его решение и запросить их помощь в подавлении корниловской попытки «государственного переворота»...

...Корниловский марш на Петроград начался. Большевики, конечно, были вне себя от радости. Какую большую удачу они могли просить! Советы проявляют лихорадочную активность. Был избран комитет по борьбе с контрреволюцией из 22 членов. Я был избран в его состав. Характерно, что в Советы избрали несколько большевиков, и мы оказались в странной позиции, работая с красными по подавлению красных. Первое, что потребовали члены комитета — освобождение из тюрьмы большевистских соратников, и, несмотря на мои энергичные протесты, им уступили...

Комитет получил информацию, что наша пропаганда была столь успешна, что корниловские войска уже заколебались. Двумя-тремя часами позже поступили сообщения, что корниловская армия на грани мятежа...

Все дело Корнилова было для меня трагедией. Мотивы его и Крымова, его главного помощника, были абсолютно чистыми и трагическими. Они ни в каком смысле не были «контрреволюционерами». Теперь триумф большевизма был просто вопросом времени. Правительство, потеряв доверие всех несоциалистических групп, висело на волоске.

Я начал более интенсивно изучать Великую французскую революцию. Как повторяется история! Кто мы, как не русские жирондисты? Какова будет наша судьба? Такая же, как у них? Что случится с Отечеством? Вероятно, тот же ужас, кровопролитие и разруха без всякой военной славы, последовавшей за политическим и социальным переворотом во Франции...

ГЛАВА 8

ПРОПАСТЬ

Наконец, разверзлась бездна. Большевизм победил... Все произошло очень просто. Временное Правительство и первый всероссийский Совет были свергнуты столь же легко, как царский режим...

В редакции моей газеты я написал свою первую статью о победителях, определяя их как убийц, насильников и грабителей. Я подписал эту статью своим полным именем, несмотря на протесты моих коллег и даже наборщиков.

— Пусть останется, — сказал я. — Мы все так или иначе смотрим смерти в лицо.

Моя статья имела такой успех, что мы вынуждены были в три раза увеличить тираж номера...

Сегодня я выступал на митинге служащих. Едва я закончил, председатель крикнул: «За вами пришли, бегите через эту дверь». Я выскочил на улицу и был быстро увезен на автомобиле, который держали для экстренного случая эти простые герои.

Игра в «кошки-мышки». Ладно, пусть я буду мышью. Мы будем схвачены, но прежде чем это случится, мы сделаем то, что диктуют нам разум и долг...

Подготовка и выпуск газеты затруднены. Вторжения в редакцию и типографию стали обычными. Большевистские солдаты уничтожают экземпляры и даже печатные машины. Формально мы подчиняемся приказу прекратить выпуск наших газет, но они немедленно появляются снова под слегка измененными названиями: «Воля народа», запрещенная вчера, выходит сегодня как «Воля», затем как «Народ», «Чаяния народа». Газета «День» появляется как «Утро», «Полдень», «После полудня», «Вечер», «Ночь», «Черная полночь», «Один час», «Два часа». Важно то, что наши газеты в конечном счете выходят. Читатели, которые не смогли достать газету утром, читают ее ночью.

...Сегодня я вновь едва избежал ареста. Как только я вошел во двор, банда преследователей двинулась за мной: одни вошли в редакцию, другие остались в воротах. К счастью, они не знали меня в лицо...

Один из наших рабочих появился в дверях. Я подозвал и объяснил ему мое положение. «Минутку», — сказал он и через некоторое время пришел с документами, удостоверяющими меня как работника типографии. В воротах мы у были остановлены, у нас потребовали документы. Мы их показали, и охранник грубо сказал: «Проходи». Так вновь мышшь ускользнула. Интересно, что эти преследования осуществляются теми же людьми, которые совсем недавно громче всех выступали за свободу прессы...

Выборы в Учредительное Собрание проводятся по всей России. Они — вызов страны Большевистской Революции. Если большевики правы — они получат большинство голосов...

В течение последней недели я выступал на двенадцати митингах. Трудящиеся находятся на первой стадии «отрезвления», большевистский рай начинает тускнеть. Трижды рабочие спасали меня от ареста. На митинге на трубочной фабрике мое выступление было прервано группой лиц, кричавших: «Наконец-то мы поймали тебя! Ты арестован!» Я крикнул в ответ: «Я арестован, если эти рабочие согласны». «Руки прочь от товарища Сорокина» — заревела аудитория. Пока одни рабочие отесняли солдат, другие окружили меня и помогли скрыться.

Опубликованы первые результаты выборов: большевики биты! Они вместе с левыми эсерами далеко позади правого крыла партии и в меньшинстве в Учредительном Собрании. Я и другие товарищи из Вологодской губернии получили около 90% всех голосов.

Прошлой ночью мы организовали крайне экстравагантный праздничный банкет. Каждый из нас принес по куску хлеба и колбасы, консервированные персики и чай с сахаром...

Я выступаю каждый день, посещаю заседания лидеров, которые разрабатывают законы, декреты и политику Учредительного Собрания. В промежутках я по-прежнему играю роль мыши, прячущейся от кота.

Легально все депутаты имеют иммунитет от ареста. Но закон — одно, а большевистская практика — другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, изможден частично работой и волнением, частично голодом. Но я повторяю слова поэта: «Подожди немного, отдохнешь и ты». В тюрьме или в могиле...

Сегодня последний день 1917 года. Я оглядываюсь на прошедший год с чувством горечи и разочарования. Семнадцатый год дал нам Революцию, но что она принесла моей стране, кроме разрушения и позора? Принесла ли она нам свободу? Улучшила ли условия жизни людей? Нет, открывшееся лицо революции — это лицо зверя, порочной и грешной проститутки, а не лицо чистой богини, которое рисовалось историками других революций...

Перспективы на 1918 год очень мрачные, но я верю в мою страну и ее историческую миссию. Рано или поздно мы найдем выход. Будь благославлен каждый день и каждая ночь моей любимой страны.

Конец первой части